

Оглавление

Пролог	5
<i>Глава 1.</i> Софья-София	11
<i>Глава 2.</i> По ту сторону	29
<i>Глава 3.</i> Обратная сторона	54
<i>Глава 4.</i> Сажа и янтарь	81
<i>Глава 5.</i> Каменный сон	99
<i>Глава 6.</i> Побег в чужие владения	125
<i>Глава 7.</i> Дух безумия	151
<i>Глава 8.</i> Страшный секрет.	177
<i>Глава 9.</i> Магия крови и тьмы	205
<i>Глава 10.</i> Шрамы и воспоминания.	239
<i>Глава 11.</i> Угроза бессильной. Огненная птица.	280
<i>Глава 12.</i> Лабиринт осознания	307

Пролог

— Э тот мир обречен. Но, пока он умирает, мы еще повеселимся.

На вершине башни из серого камня стояли двое мужчин. Надменные манеры и безупречная осанка первого выдавали в нем безраздельного хозяина твердыни. Преподнося безрадостный факт, он хищно скалил мелкие зубы. Лишь слегка вздрогнули длинные пальцы, сжимающие трость с набалдашником из янтаря. Или тому виной оказался колючий ветер?

Порывы развевали полы темно-желтого парчового камзола, который оживлял не слишком молодое лицо с острыми чертами. Ярким пятном выделялась пышная копна медово-русых волос, легкомысленно торчавших во все стороны. Однако облик повелителя оставался серьезным, а взгляд — тяжелым.

— Радж, не надо! Думаешь, Эйлис умер? — отвечал ему второй встревоженно. На нем лежала печать бесконечной усталости. Сутулый, в изодранном буром доспехе из драконьей кожи, он зябко поправлял на голове капюшон. Тень скрывала юное лицо с карими глазами и заостренным носом. Но внешность не отражала груз лет, который нес за плечами вечный странник.

— Если учитывать, что в нем осталось всего семь живых человек, точнее, льоров-чародеев, то да, Эйлис умер, — немного раздраженно отозвался собеседник. — Ты ведь Сумеречный Эльф, неудавшийся Страж Вселенной. Тебе ли не знать, что случилось! — Он запнулся на миг. — Полагаю, ты знаешь даже больше меня.

Скорбный взгляд Сумеречного Эльфа потеплел, подернулся подобием надежды. Страж отвечал, а на его потрескавшихся крупных губах едва уловимо читалась улыбка:

— Знаю. И ты ошибаешься... Нет. Эйлис не умер, он просто спит.

— Ты считаешь, кто-то в силах разбудить каменных истуканов? Или превратить холодные глыбы в леса? Прошло уже почти четыреста лет, и ничего не изменилось.

Чародей развел руками, приподнимая причудливо изогнутые черные брови. В его тоне не было и капли сожаления. Да и откуда бы? Льоры — короли-чародеи — никогда не нуждались ни в подданных, ни в советниках, ни в военачальниках. Все решала великая магия. Хотя у подножья башен возникло когда-то несколько деревенок, но это не особо трогало правителей. До тех пор, пока не началась катастрофа их мира, пока не добралась до самих королей.

Владения янтарного льора Раджеда Икцинтуса растелились на все четыре стороны света до горизонта. Но вид с вершины башни представлял удручающий: сизо-бурая каменная пустыня растекалась небрежными штрихами, сливаясь острыми пиками скал с тускло-синим небом. Больше ничего не существовало, только в отдалении шелестело темными пластами волн Янтарное море. За ним располагался восточный материк, владения иных льоров-чародеев. Но пейзаж там ничем не отличался. Весь Эйлис

поглотила «каменная чума», мир уже многие годы не жил, но и не умирал.

И лишь в башнях колдунов скрывались живописные сады, в которых гуляли зачарованные животные, били подводные ключи, светило ненастоящее солнце. Господа утопали в праздности и вражде друг с другом.

Льоры стремились когда-то выяснить причины окаменения, однако никто не дошел до истины. Ни древние книги, ни внимательные наблюдения не дали ответов. Все понимали безотчетно лишь одно: в Эйлисе что-то сместилось, пошло неправильно на уровне всего магического поля.

Общими усилиями, возможно, чародеи узнали бы правду, но не сумели прекратить давнюю войну. Особенно Раджед и его ненавистный сосед Нармо Геолирт — самые сильные, властолюбивые. С чародеем, талисманом которого была кровавая яшма, велась борьба уже несколько веков. Они неизменно что-то делили, скованные долгом взаимной мести.

«Противостояние, ненависть, неприязнь — каменный Эйлис уже не помнит иных слов», — подумал Сумеречный Эльф и вздохнул. Он вечно пытался что-то доказать Раджеду, бессмысленно упорно, до яростных ссор. Зачастую он демонстративно уходил из башни, отправлялся в странствие по иным мирам. Однако каждый раз возвращался, давая льору повод для насмешек. Ох, знал бы чародей об истинных причинах... Да он и не желал вникать, только хвастался богатствами и красовался перед самим собой.

— Нет, Эйлис умирает, — мотнул головой Раджед. — И уже ничего не изменить.

— Если бы вы занимались чем-то, кроме интриг и развлечений... — отозвался Эльф и нахмурился. — К слову,

о развлечениях: то, что ты намерен предпринять на этот раз, переходит всякие границы дозволенного.

— Отчего же? — нехорошо блеснули желтые глаза Ра-джеда. — ЛЬор с помощью магии может получить все что захочет. Даже если это находится в другом мире.

— Но ведь речь не о вещах!

Кулаки Сумеречного невольно сжались, рука потянулась к тонкому мечу, висевшему в ножнах за спиной. Он остановился и заставил себя успокоиться. Проклятый Страж Вселенной мог испепелить все вокруг, не сходя с места. Но на большую силу и больше ограничений: он не имел права! Не имел права вмешиваться. Ни вредить, ни помогать, только каждый миг смотрел ленты судеб из тысяч параллельных миров. И страдал от ненужности вот уже две с половиной тысячи лет.

«Двадцать пять веков я проклят. Нас было тринадцать, из разных миров, с разными судьбами. Тринадцать добровольцев, верящих в возможность добра без зла. И семарглы так хотели создать защитников Вселенной, так желали уничтожить зло на корню... Но, видно, есть законы мироздания, против которых нельзя идти. Они вторглись туда, куда не дозволено любым человеческим существам. Эх, забытая легенда. — Сумеречный пожегся, отвлекаясь от воспоминаний. — Впрочем, какое дело до всего этого Раджеду? Он нашел для себя новую игрушку и даже не понимает, что речь идет о человеческой жизни».

Льора мало интересовали истории древних времен, он четыреста лет алчно и эгоистично правил своей частью Эйлеса из башни. Прихоть и очередная навязчивая идея оставались его неизменными ориентирами. На этот раз в зеркале миров он увидел новую драгоценность, которую возжелал в свою коллекцию. Только не редкий само-

цвет и не древний артефакт — живое существо. Сумеречный негодовал от новой неприятной игры «заклятого друга».

— А ты попробуй останови меня! — нагло рассмеялся Раджед.

— Знай же, ох, знай, что... — Сумеречный Эльф осекся, чтобы не выдать тайну; на лбу его вздулась венка или ее видимость.

Тело — лишь иллюзия, привычная оболочка духа. Чародеи же жили десять человеческих сроков, но оставались людьми из плоти и крови, способными умереть от заклинания или клинка. Несколько раз Эльф отводил неминуемую гибель от друга, порой соглашался с опасными и противоречивыми планами, но на этот раз помогать не соби-
рался.

— Что? — посмеивался Раджед, поглаживая узорный лацкан парчового камзола. — Считаешь, я недостаточно хорош? Или, гром меня порази, уже слишком стар?

— Радж! Ты не понимаешь! Ты просто ничего не понимаешь! — покачал головой Эльф.

— Да будет тебе, друг мой. Наслаждайся! Пока жив, — махнул ему рукой льор, спускаясь сквозь бесконечные лестницы внутрь башни к зеркальному portalу.

Через него проступали контуры другого мира, живого мира, веяло ароматами лета, долетали голоса людей. Но не это интересовало чародея, он высматривал среди толпы один-единственный объект, точно прибыл на аукцион антикварных вещей. Он ненасытно тянул воздух узкими ноздрями, не переставая улыбаться. Вскоре нечеловечески зоркий взгляд впился в интересующее создание. Раджед протянул руку к зеркалу, кисть прошла через стекло, которое скорее напоминало парящую в невесомости воду.

— Вот ты где! — почти пропел льор бархатным тоном. Портал в мир Земли давал ему невероятное преимущество по сравнению с другими правителями Эйлеса, но использовал он его только ради собственного развлечения. Не злоупотреблял путешествиями в параллельный мир, но не спешил и помогать кому-то. Всего лишь играл судьбами случайных жертв... Из-за новой задумки Раджеда и случилась очередная ссора с гостем.

Сумеречный Эльф с глухим ворчанием удалился, растаяв в воздухе. Вновь и вновь разыгрывалась драма чужих жизней, но не его. Он лишь вечно наблюдал. И на этот раз снова злился от бессилия.

«Неужели настали те смутные времена, когда мир жив только во сне? Ох, Эйлис-Эйлис, где же твоя душа?» — устало подумал Эльф, рассматривая иссохшие земли каменного мира, паря над ним в облике черного ворона, пока его друг наслаждался началом новой опасной игры.

Глава I

СОФЬЯ СОФИЯ

Москва, 2010 год

« нет! Опять!» — испуганно расширились глаза Софьи. Она схватилась за голову, нервно тереться заколку в длинных русых волосах.

«Прекрасная София, зачем же снова вы молчите? Ведь когда обещают золотые горы, надо говорить либо “да”, либо “да, конечно!”» — отчетливо вырисовывалось на чистом альбомном листе, лежащем перед ней.

Она похолодела, хотя в тот день город плавился от июльской жары. Над Москвой висел легкий смог от сотен машин, солнце раскаляло асфальт, просвечивало через листья деревьев. Завесой ему не служили даже опущенные занавески, закрывавшие окно небольшой девичьей комнаты. Но она, Софья Воронцова, не любила часы до полудня, когда яркие навязчивые лучи светили прямо в глаза, мешая читать или рисовать. Впрочем, ныне не это заставляло нервно кусать карандаш, царапая стальным ободком ластика небольшие губы. Да, карандаш... Возможно, с него все и началось.

В свои шестнадцать лет Софья неплохо рисовала. Получалось у нее не слишком профессионально, но фантазией владели далекие миры. Часто она выписывала филигранными штрихами неведомую башню посреди леса. Но с возрастом пейзажи становились все более мрачными. Почему-то рощи и дубравы сменились пустыней из камней. Не оставалось ярких красок, только тусклые карандашные линии.

Родители списывали все на подростковую депрессию. Да и сама Софья не считала смену настроения в картинах чем-то необычным. Она была замкнутой, ее тяготил двадцать первый век, наполненный слишком быстрой сменой событий. Она же точно затерялась во времени, ошиблась эпохой, самым образом мыслей. Даже в ее гимназии слушать исключительно классическую музыку и читать в шестнадцать лет творчество Сартра и Фромма казалось чем-то ненормальным, за что она и прослыла странной, слишком «заумной».

Из друзей — всего две-три такие же чудачки, которые любили читать и не ходили по дискотекам. Скромная и осторожная, как барышня из девятнадцатого столетия, она не нажила врагов. Но среди людей нередко чувствовала себя невидимкой, отдыхая душой только в кругу семьи. Остальные люди, сверстники, почти не донимали, поэтому устраивало и одиночество. Ни друзей, ни завистников.

Но вот снова на чистом листе проступили письмена. Кому могло прийти в голову разыграть ее? Кто мог оказаться в ее комнате без ведома домашних? Да никто!

Странные послания начали появляться в конце мая. Первая запись, возникшая в альбоме, гласила: «Я — янтарный льор-чародей Раджед Икцинтус. Согласна ли ты стать моей королевой, прекрасная Софья?»

Она решила, что это и правда чья-то шутка. Даже ответила с иронией: «Нет, господин льор. Мне и дома хорошо».

Тогда Софья закрыла альбом, рассмеялась и забыла на какое-то время о странном приветствии. Но на следующий день обнаружила новое, где некий Раджед расписывал красоты своего королевства, настойчиво убеждая, что она многого лишится в случае повторного отказа. Тогда захотелось разузнать у близких и друзей, кто ведет с ней такую иносказательную переписку. Но все только отнекивались.

Настоящее оцепенение Софья испытала, когда в ответ на ее новый отказ бумага сама собой проявила буквы. Сначала они напоминали не то видоизмененную арабскую вязь, не то иероглифы. И лишь спустя пару мгновений превратились в привычный русский алфавит, словно какая-то неведомая сила работала переводчиком.

«Милая София, надеюсь, вы в добром здравии. Жаль, что все чаще вы не изволите отвечать любезностью на мои послания, — ткался узор высокопарных приветствий. — Возможно, я бываю слишком прямолинейным и резким. Не хотел вас пугать своим первым посланием. Но виной тому мой каменный мир Эйлис, где я проживаю совершенно один в высокой башне. Да, у нас здесь немноголюдно. Однако моя янтарная башня скрывает множество богатств и удивительных чудес. Все еще надеюсь увидеть вас в моих чертогах».

«Магия!» — самое верное слово, которое возникло в сознании Софьи. И участница странного спектакля восприняла это отнюдь не с восторгом, особенно когда захотела показать «переписку» родителям, а альбомные листы неожиданно опустели, словно кто-то подменил их, пряча свои неоднозначные наглые предложения.